

A photograph of a man and his father in a barbershop. The father, an older man with white hair and a beard, is seated in a barber's chair, looking up at his son. The son, a younger man with dark hair and a beard, stands behind him, resting his hand on his father's shoulder. They are in a barbershop with large arched windows in the background, through which warm sunlight is streaming. The shop is filled with various grooming products and tools on the counter and shelves.

MY FATHER AND GILLETTE

Ferdinando Frega — Nando the Scribe

МОЙ ОТЕЦ И GILLETTE

THE FAMILY · 03

GILLETTENARRATIVE — ЛИЧНЫЙ АРХИВ

Мой отец ушёл из жизни в апреле 2025 года.

С тех пор не прошло ни одного дня, чтобы мысль о нём не пронеслась у меня в голове.

Смерть уводит человека из комнаты.

Из разговора она его не уводит.

Чем старше я становлюсь, тем больше нахожу его частиц, спрятанных во мне самом.

Жесты. Молчания. Реакции. Манеру смотреть на людей.

Наследство, которое действительно важно, — это никогда не деньги.

Это признание.

Когда я был молод, он смотрел на меня и говорил, что я способен на то, что ему самому не по силам.

Я думал, он надо мной подшучивает.

Я думал, отцы говорят такое, потому что отцам положено верить в невозможное, когда речь идёт об их сыновьях.

Теперь я понимаю.

Он не делал мне комплиментов.

Он давал мне взаимы уверенность, которую я ещё не заслужил.

Он видел дороги, которых я не видел.

Двери, о существовании которых я не знал.

Возможности, которые мне предстояло десятилетиями пытаться открыть.

Мы были отцом и сыном.

Потом стали друзьями.

Таковыми друзьями, которые честно говорят о жизни, женщинах, победах, унижениях и мечтах.

Потом стали коллегами.

Заговорщиками, которых связывали работа, кровь и упрямое нежелание мириться с обычными пределами.

А сверх всего прочего у нас была общая фамилия.

Фамилия, которая живёт теперь не потому, что записана в документах, а потому, что вошла в нарратив.

Вошла в память.

Вошла в GilletteNarrative.

Иногда у меня возникает странное ощущение, что он всё ещё наблюдает.

Не как судья.

Не как критик.

Не как человек, который говорит:

«Я же тебе говорил».

Нет.

Скорее как молчаливый наблюдатель, изучающий эксперимент, который он помог создать.

Сын, который никогда не следовал инструкции.

Сын, который раз за разом выходил за рамки формата.

Сын, чья жизнь приводила к результатам, которые никто, рассуждая здраво, не мог бы предсказать.

Мне его не хватает.

Его улыбки.

Его пауз.

Его молчания.

Его решений.

Тех маленьких кадров, сбережённых в памяти, которые не сохранит ни один архив и не восстановит никакая технология.

В двадцать семь лет он был капитаном итальянской армии.

Но звание никогда его не объясняло.

То, что делало его единственным в своём роде, было проще.

Он был моим отцом.

Тихой частью моего существования, пока весь остальной мир соревновался, кто громче шумит.

И поэтому я буду ему писать.

Туда, где бы он ни был.

Жди меня.

Но не сейчас.

Ещё осталась незаконченная работа.

Ещё остались неразгаданные тайны.

Ещё остались истории, которые нужно написать.

Однажды я приду.

И когда это случится, мы вместе посмеёмся.

Не над успехом.

Не над неудачей.

Над абсурдностью пути.

Потому что пережитое способно рассказать истории, с которыми воображению никогда не сравниться.

Прощай, папа. До поры до времени.

*Твой сын,
Ferdinando*